

Юрий Моренис

---

# Белый конь

Высокобезнравственная  
повесть

Юрий Моренис

**Белый конь.**

**Высокобезнравственная повесть**

«Издательские решения»

**Моренис Ю.**

Белый конь. Высокобезнравственная повесть / Ю. Моренис —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745488-3

В повести рассказывается история о женщине в одиночестве. О ее мыслях, фантазиях, желаниях, безрассудных поступках и рискованных приключениях.

ISBN 978-5-44-745488-3

© Моренис Ю.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Белый конь                        | 6  |
| Пролог                            | 6  |
| Первая ночь                       | 7  |
| Вторая ночь                       | 11 |
| Третья ночь                       | 14 |
| Четвертая ночь                    | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 19 |

**Белый конь**  
**Высокобезнравственная повесть**  
**Юрий Моренис**

© Юрий Моренис, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## **Белый конь**

### **Высокобезнравственная повесть**

*Охотясь за Принцем на Белом Коне,  
главное, не зашибить лошадь*

### **Пролог**

Как экономика должна быть экономной, так одиночество – всегда одиноко. Когда встречаются «два одиночества и разводят у дороги костер», они уже не одиноки, поскольку их двое.

Двое, трое, четверо... Четыре женщины за одним столиком – это «Секс в большом городе», а не одиночество. Все, что больше одного, называть одиночеством – нонсенс!

С этим и столкнулся сочинитель «Белого коня» – как собрать вместе одиноких женщин? Они не собираются! В бане ли, в службе знакомств, на природе или тайком на явочной квартире милые женщины перестают быть самими собой, они выделяются друг перед дружкой, врут, кокетничают, завидуют, ненавидят и искренности от них в жизни не дожидаться. А чтобы повесть действительно получилась, надо оставить их там, где они, по-настоящему они: в темноте, лицом в подушку, задыхающихся, рыдающих, но на самом деле мечтающих, фантазирующих и желающих... Господи, чего только не желающих!

Ночь. Именно наедине с ночью женщина по-настоящему одинока.

Кстати, раз в год ночью, в единственном месте у некоторых одиноких леди появляется возможность собраться вместе: на Ивана Купала, на Лысой горе, и это, вовсе не объединяющее мероприятие, называется «Шабаш». Однако ведьмы – не героини моего повествования.

## Первая ночь

Если бы я вдруг стала сама собой, я бы от себя сошла с ума!

Меня спасает вселенская ложь: воспитание, образование, телевидение, книги и прочее... Воспитывали, согласно общей морали, глуша меня во мне. Обучали, давая ненужные знания, совсем не подходящие для моего дальнейшего существования. По ящику – вранье о добропорядочности и справедливости, и только взрывы, катастрофы, украденные дети вызывают дрожь и затаенную печаль. На глазах слезы, но это слезы не мои, а той, которую воспитали и обучили плакать в положенных местах. Смеяться тоже... Идешь на концерт и умираешь от хохота, слушаешь артиста-юмориста или писателя-сатирика. Хотя абсолютно то же самое, но другим голосом от ведущего новостей по телевизору и, будьте любезны, – рыдания взахлеб.

Книги... А что, книги?! Чем они лучше других? Правда, в некоторых рассказывается о Принце на белом коне. Мол, является он и обнажает тебя до самого доньшка, срывая шелуху воспитания, образования и прочей чепухи... «Ты что, книгам веришь?» – спрашивают с изумлением. Не знаю, но думаю, где-то он есть, этот Принц на белом коне? «Ненормальная, идиотка, чокнутая!!!» Так я же и говорю, стала бы собой – сошла бы с ума.

Начала его искать поздно, года в двадцать три. Маленькая была, дурочка. Закончила институт, и филолог с красным дипломом, попала секретаршей к Николаю Петровичу. Отдать должное, Николай Петрович, как матерый алкоголик, в первый же день устроил испытание. Дает тысячу рублей и велит купить выпивку. На вопрос, что именно, машет рукой, мол, что понравится. А я тогда в спиртном ничего не понимала... Что в спиртном – материться не умела! Водитель его молчит, лишь с ухмылкой плечами пожимает. Чую, подвох, а в чем – черт разберет. Ладно, поехали. Захожу в магазин, а там коньяка – залейся! Наивная, хлопаю глазами, сыплю голубые брызги и тоненьким голосом спрашиваю продавца, какое зелье вкуснее, «Черный аист» или «Белый аист» – бутылки аж светятся от наклеек. Продавец мудрым голосом поясняет, это, девушка липовая Молдавия – не вздумай покупать. Единственное здесь приличное – Дагестан, его и бери. Спорить не стала, еще купила кое-какую закуску, сложила все в пакет и – к шефу. Николай Петрович заглянул внутрь, довольно хмыкнул и с удивлением посмотрел на сдачу в протянутой руке.

– Э-э, голубушка, это твое. Забирай!

Итак, боевое крещение, так сказать, прошла – за работу. День тружусь, другой, а на третий появляется он... Может, на кого-то подобные и производят впечатление вплоть до падения со стула, а на меня не очень. Ну да, метр девяносто семь, черный блейзер от Тиффани, под ним нечто розовое и шелковое, расстегнутое до пупа от Гуччи, белые отглаженные брюки и туфли, уж не помню от кого – всегда не до туфель было. Но лысый, лы-сы-й! Для меня лысина – нечто потное, мокрое и скользкое. Фи, фи! И еще раз, фи!!

– О! – говорит. – У Николая Петровича снова все по-новому! Как вас зовут?

Смело отвечаю:

– Маша.

– А по бабушке?

Я – в осадок! Впервые в жизни у меня спросили отчество.

– Владимировна.

– Здравствуйте, Мария Владимировна. А я Геннадий Михайлович. К шефу можно? Мы созванивались.

– Ага... Да, то есть, можно.

Они сидели, разговаривали, выпивали (Уж знаю. «Чай» кто разливал?). А я за это время пришла к точному выводу, лысые – не мой конек. Закончив переговоры, мужчины решили развлечься.

– Машенька, – запинаясь, сказал Николай Петрович, – едем в кегельбан.

Ке-гель-бан? Что такое кегельбан? Баня с кеглями?! Зачем в бане кегли? Как филолог, я могла разобрать слово по составным. И главное здесь баня?! Еще чего! Но опять же, тружусь всего третий день. Не утомилась... И так сразу терять работу не хотелось. Испытание с коньяком выдержала, может, здесь как-нибудь выкручусь?

Гусеница быстрее ползет, чем я собиралась. Выключила компьютер, разложила бумаги, принялась подмазывать губы, дважды, чтоб надежнее, подтянула колготки. Да мало ли дел найдется у секретарши после тяжелого рабочего дня?

Они терпеливо ждали внизу. Шеф пошатывался у своей черной «Волги» и махал рукой:

– Машенька, быстрее, опаздываем...

Я лично никуда не опаздывала.

Геннадий Михайлович стоял ближе. Он, наверно, заметил мою неуверенность и прошептал:

– Мария Владимировна, не волнуйтесь, давайте его обманем, – повернулся к шефу и крикнул, – Николай Петрович, пусть девушка, поедет со мной, а мы следом за вами!

Оба, казались, навеселе. Однако у Николая Петровича – водитель, а Геннадий Михайлович сам за рулем. Впрочем, своими глазами видела, шеф хлестал, зато гость лишь пригубливал. Может потому, глупенькая, предпочла белый автомобиль лысого.

Отправились...

Этот долбаный кегельбан находился в дальнем районе города, но Николай Петрович явно не торопился. Я видела, как он что-то говорил водителю, смеялся и все время оборачивался назад, наблюдая, не отстали ли мы. Чего же тогда он меня подгонял? Тут бы удариться в подозрения, но я все ждала, когда Геннадий Михайлович спросит мой адрес и отвезет меня домой. Вот небесное существо, крыльев мне только не хватало! А лысый все мурчал, все успокаивал, руки свободно лежали на оплетенном руле, и только массивный перстень гипнотизирующее посверкивал бриллиантом. Я и впрямь впадала в истому. Лето подходило к концу, но август не собирался отступать, к вечеру холодало, однако в тот день солнце светило, будто прописалось на небе.

– Чего он так тащится? – спросила я вяло и капризно.

Геннадий Михайлович оживился:

– А давайте, кругом! Все равно приедем раньше! – он резко свернул в сторону.

– Площадь Юности, – возразила я.

– Что, площадь Юности?

– Я там рядом живу.

Машина рассекала загустевающий воздух. Не вру, пространство становилось плотным и звуконепроницаемым – по крайней мере мне так казалось.

– Мы не туда едем, – пыталась я вырваться из кисельных берегов и молочных рек. Я кричала, как недорезанная, рвалась расколотить лобовое стекло, а на самом деле робко шептала, обмахиваясь вспотевшей ладошкой.

Да, мы ехали не туда, не к площади Юности... Я вообще не понимала, где мы. Насыпи, железнодорожные пути, разбитые вагоны, и справа, и слева, словно кровеносные артерии, а посередине ползущий автомобиль с тонированными стеклами. Нас не разобрать, зато все вокруг отлично видно, как из танка. Хотелось скомандовать: «Огонь!», а можно и не командовать – атмосфера накалялась сама по себе. Нет, Геннадий Михайлович не гладил меня по открывшемуся бедру, богатый перстень продолжал сверкать на баранке, но я знала, сейчас должно вспыхнуть и сгореть к чертовой матери. Насыпи лоснились от жира, шпалы пышно набухали, рельсы отливали пурпуром, а разъявленные вагоны, причмокивая жевали густой воздух. Сейчас это покажется странным, а тогда – вполне естественным, ведь мы приближались к тупику!

Были у меня мужчины... К двадцать трем годам как не случится мужчине? Даже неприлично в мои лета оставаться в девицах. Пусть будет еще один – ха-ха-ха! – на этот раз – с голым черепом...

А дальше я перестала что-либо понимать. Трикотажная кофточка слетела и закружилась по салону, следом осенним желтым листом поплыл топик. Я не голливудская звезда, лифчик порой надевать не обязательно... На работу мини – ни – ни, юбка обязана придерживаться строгих линий... Кстати, где она?! Надежно подтянутые колготки растворились прямо на ногах, о стрингах и говорить нечего – исчезли. Желтый шар оторвался от туловища и оказался у меня между ног. Что это, язык? Язык!!! *Фитилек* затрепетал, словно к нему поднесли факел! Медленный огонь пополз по распахнутым бедрам, пробрался внутрь живота, зажигая каждую клеточку, доводя до кипения каждую капельку крови. Но вот у дымящейся, как торфяник, груди он вырвался наружу и помчался по телу, по высушенной длительной засухой степи, оставляя за собой выжженные алые пятна. Рот искажился, то ли от жажды, то ли от крика. Наконец, где-то наверху, в голове, взорвалась тьма... Даже в кончиках пальцев отозвалось эхо. Но я еще не умерла! Огонь гас, как гул благовеста, как волчий вой, уплывая к луне. А оттуда, с небес, снисходила благодать: сожженную кожу охватывала прохлада, по пострадавшей плоти потекли ручейки – в последний момент меня сняли с костра и аккуратно сложили в холодильник. Как тут не задрожать? Сознание, прихрамывая, возвращалось, как побитый за углом хулиганами отличник. Боже, неужели это со мной случилось?! Первый раз! *Лодочка*, покинув узкое русло тела, вынесла меня, неразумную, в океан.

По тому океану греб навстречу Геннадий Михайлович.

Он сидел рядом, обхватив руль, и искоса поглядывал на меня. Господи, абсолютно одетый! В пиджаке, штанах, в перстне на безымянном пальце. А я распласталась, как морская звезда, и ни в чем! Ни в чем, и не шевелилась – нагота сковывала меня, словно кандалы.

И вдруг этот лысый черт заскулил:

– О что я наделал, соблазнил невинную девушку и теперь она на меня напишет заявление в милицию...

В мгновение я скукожилась на заднем сиденье. Как там очутилась – без понятия! Забилась в уголок, как русалка, вся в пупырышках и зеленая. Или синяя? Не уверена, меня в тот момент дальтонизм прохватил.

– Одежку ее измазрал. Как она теперь домой пойдет? Голая, без колготок, а кругом люди.

Я же не врубилась, что надо мной прикальваются. Оно хоть и случилось, но с первого раза еще ни одна сходу умной не становилась. Тут скорее глупеешь...

Трусы, как ни странно нашлись, и, путаясь в тонких веревочках, я их с грехом пополам напялила.

– Ну что, Машенька, в милицию? Там и заявление напишешь.

А мне не до милиции, ни до чего – побыстрее тряпки свои найти.

Но дальше, вообще, фигня началась.

– А может, без органов обойдемся?

Вдруг Геннадий Михайлович достает бумажник, выуживает оттуда тысячу и сует мне в кармашек сумочки. У меня на сумочке, на задней стороне карман с молнией. Так вот, он расстегивает эту молнию и кладет зеленую бумажку, да не одну.

– А это за покоренные трусики и за поцарапанные бедра, я сегодня неважно побрился.

Короче, издевался надо мной, как хотел. Пока назад ехали, только глазами хлопала и мычала нечто невразумительное. А остановились, смотрю, вовсе это не милиция, а наш дорожный «Пассаж».

– Идемте, Мария Владимировна, колготки вам выбирать и еще что-нибудь по мелочи...

На другой день – все, как обычно: звонки, бумажки, посетители, для кого чашки с конфетами, кому рюмки с бутербродами. Однако работа секретарши не такая уж простая. Потому что с одной стороны начальство, а с другой – персонал. А это значит, слухи, инсинуации, интриги. Хоть недели не проработала, но уже первые узелки начала вязать. Если откровенно, в тот день как-то случилось не до служебных хитросплетений, некоторые предметы даже из рук падали – этот лысый гад не позвонил и не появился. И потом... А выходные тянулись, как жвачка.

В понедельник, перед перерывом, зашла к шефу и среди прочих вопросов, как бы в про-брос, поинтересовалась, мол, что за птица Геннадий Михайлович.

У Николая Петровича аж глаза засветились:

– Отличный мужик, Маша, директор завода, наш подрядчик, вполне надежный партнер, – собрался и уехал на обед.

Я осталась одна. Того и надо! Ширк по бумагам, записям, ведь знала, что искать и почти сразу добилась успеха. Через минуту я звонила в приемную лысого.

– Кто спрашивает?

– Секретарь Николая Петровича.

– У него сейчас совещание. Узнаю, возьмет ли трубку?

Моментально!

– Мария Владимировна, вы?! Прекрасно! Передайте Николаю Петровичу, к концу дня подъеду...

Мы расстались через четыре года. Женатый мужчина никогда не будет принцем, а «Волга», пусть и белая – белым конем.

## Вторая ночь

Все из-за проклятого пустыря! С одной стороны замызганный забор комбината, а с другой остатки старой деревни – какие-то полусгнившие срубы. Тропинка ближе к бывшему жилью. А так, в ширину метров двести, да от остановки до дома минут пять-шесть пешком. Можно, конечно, дальше проехать и там – культурно, по асфальту... Но, во-первых, ни одного магазина, во-вторых, идти в два раза дольше. Кто торопится, предпочитает через пустырь.

Утром, даже в мороз, нормально: все же на работу отправляются, не тропинка – главный проспект микрорайона. А народу! Обязательно знакомых встретишь, соседей, сослуживцев или с кем в очереди когда-то стоял – редко, когда не с кем в транспорте перемолвиться, за болтовней и дорога короче.

Вечером, особенно поздним, другое дело. Тут рабочий график не действует, добираться, как правило, в одиночку. На пустыре всегда темно, от прожекторов с комбината больше теней, чем освещения, даже в безветренную погоду воздух, кажется, шевелится и кишит призраками. Просвежиться сюда не тянет, хотя несчастные любители домашнего собаководства именно тут выгуливают питомцев. Тем, видать, тоже дискомфортно, быстро делают дела и скулят, просятся домой. Одна забота, как бы в собачье дерьмо не угодить – на пустыре его достаточно.

А зимой! Снег, ветер, мороз... Чего только ни надето! Скороговоркой: сапоги, носки, рейтузы, колготки, юбка, кофта, теплая кофта, бабушкина шаль, надо всем – шуба, шапка, капюшон, а все равно бежишь, как голая. Нету места, где б тебя не обшупали ледяные, скользкие, скорые пальцы. А дома чайничек, а там воды – чуть-чуть, чтоб тут же вскипело, заварилось и шубу, шапку, варежки – долой, и шмыг за стол, и на всю квартиру: швырк – чавк, швырк – чавк! Звоняйте, господа, не до политесу...

К тому же чертов пустырь не отпускает, как ни беги – скорость не прибавляется, лишь запыхиваешься и дышишь через раз. А как не задохнуться, когда в одной руке сумочка и сколько она весит, говорить не надо? Конечно, ее тяжести не замечаешь – привычка, но это при прогулочном шаге, а когда несешься, чувствуешь себя революционным матросом с пулеметом за спиной. Кроме сумочки, в той же руке пакет из химчистки, и пакет с приятной обновой, а в другой, понятное дело, жратва. Нет, я худею, постоянно на диете, так что делов-то: пара яблок, апельсин, кефир, еще кое-чего. В общем, с этим «еще кое-чего», четверть пуда набегает, хочешь, не хочешь – прешь! И родной дом, кажется, за чертой горизонта, а ты сама – то ли Миклухо-Маклай, то ли капитан Грант.

Наконец добралась – уф! Вновь скороговоркой: согрелась, разделась, поужинала... Так нет же, продолжает привлекать! У меня одна сторона как раз на него выходит. Ночью он похож на Марианскую впадину – бездонный и бесконечный, а днем – всегда на осень. Даже зимой в его белизне чудится что-то ямщицкое, заунывное. Сколько раз ловила себя – стою у окна и пялюсь...

Короче, достал меня этот полигон! Чтоб каждый день по нему не шастать, решила купить машину. Чтоб культурно – сразу к дому, чтоб с вывертом хлопнуть дверцей, и, чтоб не торопясь, нога за ногой, словно ступая по подиуму, идти к подъезду.

Готовилась к этому событию, как Красная Армия к взятию Берлина. Сначала выучилась на права. Поднатужилась и к осени набрала до необходимой суммы. Через добрых знакомых вышла на мужика, продававшего неновую «Хонду», как раз то, что нужно. Гараж? Нет, на гараж я пока не потяну. Зато рядом с домом платная стоянка, а зимой можно договориться об аренде.

Наступил октябрь и прощай, пустырь! Ну, не совсем прощай, но хотя бы...

Я давно заметила, в году есть два абсолютно мистических месяца – май и октябрь. Природа меняется на глазах! В мае, еще вчера голые ветки – вдруг все в зелени, яблони в белом,

а кусты сирени взрываются бутонами. В октябре наоборот – обнажение! Причем не сходу, как из предбанника в бассейн, а постепенное, по высшему классу: изумрудные одежды сменяет желтое с оторочкой или сексуально-красное белье, и лишь потом открывается стыдливая веточка и белое, в родинках березовое плечико.

Даже пустырь по-своему прихорашивается, распластывается во всю ширь и разве что не постанывает.

Вот тогда-то все и случилось, в начале октября, под шелест опадающей листвы. Чего я через него поперлась? Собиралась ведь проехать еще остановку и отправиться домой по цивилизованному тротуару. Пусть дольше, зато безопаснее. Видимо, задумалась, размечталась, как последняя идиотка, и по привычке вышла на своей остановке. Спихватилась, с полсотни метров отшлепала. Возвращаться? Подумала, себе дороже: пока назад дойду, пока транспорт дождусь – у нас не проспект, захолустье, и не час пик, не скоро дома буду. Решилась – вперед! А как же, мы же смелые, хотя вокруг, будто чума прошла – ни души...

Дело в том, что завтра с утра я должна стать владелицей автомобиля, а мужик, продающий «Хонду», требовал без всякого задатка только наличные, да еще капризничал, мол, заждался, у него желающих – очередь. Вот и торопилась. В сбербанке тоже козлы, сразу сумму не выдавали, требовалась заявка и два-три дня ожидания, словно они сами дензнаки печатают. И вот сегодня вечером я наконец их сняла и, прижимая накопленное к груди, в смысле битком набитую сумочку, пробираюсь, как партизан с гранатой, через, будь он не ладен, пустырь. Даже собаководы куда-то сгинули. Где их песики-барбосики? Тявкните, голубушки! Как назло – тишина... Ветер и тот сгинул, закрался в кусты и оттуда украдкой подсматривает. А бедная женщина склонила голову и, словно сквозь ураган, – напролом. Вот уже и ветхие срубы сбоку замаячили. Ага, значит, половину пути пролетела. Соберись, подруженька, ты же можешь, прибавь шаг! Зря, конечно, в школе с уроков физкультуры сачковала...

И тут я оказалась в чьих-то лапах!

– Гра-абят!!!

Бесполезно! Кто услышит? Ни собачки кругом. К тому же рот запечатан ладонью, хорошо нос остался открытым, могу дышать. Его вторая рука крепко обхватила за талию, оторвала от земли и он по воздуху понес незащищенное, обвисшее тело в руины. Мои руки тоже заняты – из всех сил прижимаю к груди драгоценный ридикюль.

Рот освободился, видимо посчитал, что уволок меня достаточно далеко. Господи, да куда здесь ни тащи – все глушь и мрак. Чувствую, начинает задирать юбку. Кажется, это не ограбление... Не знаю почему, но я ему помогаю?

Сзади цедят:

– Колготки снимай, – и дергает их вниз, дергает...

Вот скотина, не дергал бы, сама быстрее сняла. Ах да, у меня же в руке сумочка! Прощай колготки, трусики туда же, *обеими половинками* ощутила вечернюю прохладу земли – лежу, что ли? Не важно! Не важно – пальцы до судорог сжимают мое небольшое богатство. А он торопливо сует своего *карася*. Помочь? побыстрее бы завершить этот кошмар? Тогда, сумочка под голову! *Вставил, пыхтит...* Но что это?! Будто током ударило. Эй-эй, мне вовсе не до скачек! Но помимо меня, меня снова шандарахнуло, и не хило, замечаю, шандарахнуло. Хочу поправить сумочку, но пальцы вдруг немеют от восторга. И не только пальцы. Ноги салютом взнеслись к небу и отплясывают сами по себе, живот в мурашках, будто завалилась на муравейник, перси трепещут, словно колокола перед звоном, аж под мышками сладостно. Пятнадцать, ше-естнадцать, се-емна-адцать! Он... Впрочем, я о нем и не думаю, я себе поражаюсь. Но он *наяривает*, как Садко на гусях, а я, как Анка-пулеметчица, *отстреливаюсь*. Только вместо криков «ура!», я мычу, стону, и ловлю себя на том, звуки до меня лишь доносятся, а сама я нема, как ры-ыба-а-а! И слезы самопроизвольно текут по щекам – я плачу и плачу, и вовсе не от горя. Лежу распластанная на сырой земле и всхлипываю. Одна... Господи, а он

где?! Нету! А сумочка?! Под головой тоже нету! Ай! Ах, нет, вот она, под поясницей. Как там очутилась? Наверно, чтоб не простыть, переложила... Ага, чтоб не простыть, – сказала и рассмеялась. Как же так, вроде в беспамятстве, а с сумочкой подсутилась – хи-хи-хи...

И долго мы тут, веселые, валяться, будем?

Вставать не хотелось, но пришлось: медленно, постанывая, светя *маленькой луной* в небо, поднялась. Колготки и трусики искать не стала – бог с ними. Одернула юбку, кожаную курточку и, вихляя на каблуках, потащилась домой. Все не могла сообразить, что же со мной случилось?

Дома сразу в душ. Кипяток не ошпаривал, ледяная струя не обжигала. В стакан – четыре кусочка сахара, в рот – столовая ложка варенья, чай оставался пресным и безвкусным.

Зашла соседка, милая женщина, мы с ней во многом откровенны. Позже позвонила лучшая подруга. Они обе ахали и вскрикивали.

– Сколько ты говоришь раз?

– Вроде бы, тридцать...

– Может, ты ошибаешься? Три?

– Три – это праздник. А тут – ураган, буря, стихия с жертвами и разрушениями.

– Ты совсем не помнишь, как он выглядел?

С трудом собирала мозаику. Кажется, в красном спортивном костюме. Вышел человек перед сном объездить белого коня, а тут как раз одинокая дура в очках и с сумочкой по пустырю дефилирует... Кажется, бородат. Кололся. И совершенно определенно пах потрясающим советским парфюмом «Шипр»! Специально флакон купила – нюхаю.

Машину, конечно, купила, однако пустырь меня еще долго не отпускал. По вечерам, как привидение, слонялась, поджидала бородатого наездника в красном спортивного костюме. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы несколько раз не встретила милую соседку, блуждающую с отсутствующим видом по кустам. И уж совсем успокоилась, когда набрела на свою лучшую подругу, а она живет в другом конце города.

## Третья ночь

И такое возможно... Только для этого надо быть не мною – не смогу! Зинкой, например, моей лучшей подругой.

Откровенно сказать, Зинаида не красавица. Далеко не красавица. Высокая – да, стройная – да, ноги от ушей – да, но, черт возьми, не красавица! Брюнетка с носом, типа Джессики Паркер. До тридцати пяти дожила, все ребенка хочет, а замуж никак не выходит. Казалось бы, возьми, да роди от кого-нибудь – что ты! Так не принято! Она ж из генеральской семьи, там всю жизнь ножами с вилок едят, вековые традиции – короче, каждый сходит с ума по своему...

Как-то звонит мне, мол, поехали в секс-шоп выберем пластиковую *морковку*. Зачем, говорю, мне не надо. А когда скучно, разве ты не балуешься? У меня же Пам-Памыч есть, объясняю, даже если он досрочно *выполняет пятилетку*, всегда нахожу способ догнать его.

А тут Зинка обнаружила VIP-службу знакомств, ну, где там бизнесмены, депутаты и прочая знать – вообще, отпад. Во-первых, она засекречена, как подземный ядерный полигон, во-вторых, ни телефона, ни адреса в природе не существует, в третьих, Зинаида все-таки стала клиентом – что ж, не зря из генералов.

Понятное дело, не про наши чины, и я просто сгорала от личной любознательности, но Зинка все подала под постным маринадом.

– Ничего особенного, – молвила она с кислым лицом.

Ага, «ничего особенного» – так и поверила. Но с другой стороны, при ее знании всяческих свях, сводней, посещений подпольных домов свиданий (заносило и туда) и балов «Кому за 30» – опыта не занимать. Могла позволить себе и после сверхсекретной VIP-службы поморщиться. Уж она такое понарасказывала – уши в трубочку, глаза по чайнику. Да что, рассказывала, однажды уговорила и заманила, на вечеринку «Кому до ста!». Шок...

Я по запросам женщина скромная, что имею, тем и довольна – за лишним не гонюсь. Но в тот день подружка так страдала, аж больно смотреть, взяла и согласилась. Хотя собственных соображений не изменила. Например, считаю, коль мужчина-солидол и желает познакомиться с приличной дамой, он и сумму должен заплатить приличную. В ресторан пойти, на раут или еще какой званый ужин – да мало ли... Но ни в коем случае ни в библиотеку, ни в театр, ни в Дом культуры. Разве тогда, если, как Зинку, приспичит. Видала я тех приспиченных.

Девчонками мы в этот ДК на танцы бегали, а я еще в драмкружке занималась. Кого исполняла? К сожалению, не помню – значит, не Джульетту. Здесь играла лучшая группа в нашем городе «Аргонавты». Ребята уже были взрослыми, студенты, не то, что мы, пигалицы, а все равно от их музона кипятком писали. Нынче живой музыки нет – дискотэка. Так нам объяснила пожилая дама на контроле: «Сегодня дискотэка». На улице лето, а в помещении – Новый год. Будто и не меняются времена: крутящийся зеркальный шар у потолка, мигающие разноцветными бликами прожектора, ленты серпантина и кружочки конфетти под ногами. Музыка? Здесь музыку не слушают и танцуют невпопад – иные цели, другие задачи.

Зинаида вошла, как королева, но музыка не притихла и свет не стал ярче, кажется, никто и внимания не обратил – полумрак. Увы, здесь каждый самодержец в своем разоренном государстве. Тем не менее моя приятельница была бодрa, как из бани.

– У стены стоять – западло, танцуем, – сказала она и мы прошагали в центр, присоединяясь к нескольким качающимся силуэтам.

– Зинуля, привет!

Ого, оказывается нас разглядели!

– Иришка, здравствуй, сладкая! Познакомься, моя подруга.

Я кому-то кивнула, кто-то кивнул мне.

– Кто? Что?

– Пока никого.

Ответ Иры мне почудился странным. Огромный зал заполнялся быстро. Не битком, но люди прибывали и вскоре гул толпы начал перекрывать музыку. Все вокруг становилось нереальным, словно шли какие-то мистические кинокартинные съемки. Особенно странными выглядели мужчины. В отличие от обычных (которые в ресторанах), они представляли недружный отряд десятирублевых охотников (десять рублей – цена входного билета). Один такой приблизился. На вид трезвый, но с утренним выражением лица – это когда проснулся и до первой рюмки мимика никак не меняется. Чистенький: рубашка из прачечной, галстук из химчистки. Даже морозоустойчивый одеколон не смог перебить запах крахмала и реактивов. Смотрел на меня, как на повод выпить. Хорошо танец оказался быстрым, ретировалась в люди и прибилась к другому острову. Там все люди – острова, и я вдруг четко ощутила, как должна благодарить Бога за своего Пам-Памыча. И чего я капризничаю?

Зато Зинаида, это генеральское потомство, чувствовала себя, как рыба в воде.

– Не хандри, подруга, сейчас настоящие ребята подвалят.

«Настоящие»? Это какие? Типа из «Бригады»? Не думаю, чтоб тех киношных бандитов устроил бы местный рынок. Девчата тоже ведь десятирублевые. Или прикидываются, как мы с Зинкой? Попроще и без бриллиантов...

Мне исподтишка указали на здешнюю королеву. Венценосная особа представляла из себя директоршу «Универсама». Вот на ком злата-серебра! Как она не боится напугать простой люд? Ну что ты, пояснили мне, у нее ж дома полно водки, а ради этого люд готов подавить в себе любой страх, в том числе перед ее макияжем и возрастом.

А бравые парни на самом деле оказались из бригады, точнее, из дружины. От них несло законопослушанием, добропорядком и пивом. Девы к ним никли. Сделав пару кругов по залу, они сбросили алые повязки с рукавов и остались довольны.

Спокойная за Зинаиду, я покинула танцзал по-английски – уход Наташи Ростовской со своего первого бала никто не заметил...

А про VIP-знакомства я все-таки из Зиночки вытащила. Невозможно подобное в себе держать, на то и подруги. Поскольку адреса и телефоны службы как бы отсутствовали, встречалась она с благородными джентльменами, идадьго и сеньорами в разных кафе. Явки и пароли каждый раз менялись и над свиданиями витал дух секретности. И как не витать, дабы приглушить ореол известности, приглушить шелест денег, скрыть блеск безумия важных господ, крадущихся на тайные встречи.

– Да-а, – вздыхала Зинка, высаживая сигарету в три затяжки, – то, что им дано «сверх», делает их «над» другими людьми. Они физически не могут не смотреть свысока, не разговаривать снисходительно, не относиться к миру покровительственно – это ведь они его создали по собственным законам, – так рассуждала генеральская дочь, знающая бомонд не понаслышке. – Один, к примеру, денежный туз, пока я пробиралась к столику, рассмотрел меня с ног до головы и заметил, да, размеры его устраивают, типа длина ног от бедра, размер бюста и вместимость *багажника*. А сам, метр с кепкой, мог от дождя под моими титьками спрятаться и не промокнуть. Еще один, стряпчий, – процедила Зинуля, – разложил бумаги, на меня, мельком глянул и забубнил, мол, видеться будем по вторникам и четвергам с четырнадцати до шестнадцати, за что получу щедрое вознаграждение. Не жадный. Я спросила про воскресенье – не отреагировал. Наверное, до сих пор в том бистро сидит. Но одному, я, тупица взбалмошная, на удочку угодила, – и захохотала, будто в цирк попала. – Ай, подруженька, а почему и не цирк?! Нет, точно я когда-нибудь во что-то ужасное вляпаюсь! Ведь зная свой характер, стараюсь быть осторожной, оглядливой, веду себя, чуть ли не ангел. У меня же за спиной не обычные крылья, а золотые погоны отсвечивают – надо честь семьи блюсти! Но тут другое,

короче, слушай. Попался мне, а точнее, я попалась одному мэну. Натуральный, я тебя уверяю! Прикид, парфюм, маникюр, причесон – все на месте. И небезызвестный... Мне бы, дурочке с переулочка, задуматься, чего сей муж в службу знакомств обращается? Уж ему-то, казалось бы, и пальцем шевелить не надо... Но я губу раскатала и растеклась, как мысль по дереву – полную сознательность потеряла. В общем, вечером, после хорошего застолья в дорогушем кабаке закатили мы к нему. Хоромы – елки-палки! Комнат не сосчитать. Здесь бы убивать и закапывать. Думаешь, я хоть на секунду насторожилась? Куда там! Веселюсь его шуткам, как недорезанная, а настроение, хоть через скакалку скачи. Разбежались мы. Он из гостиной в одну дверь, я в противоположную, где ванная. Возвращаюсь уже в пеньюаре.

Знаю я тот пеньюар! Фонарный столб сам начнет ток давать и на стену ползет.

– Сижу с ножками в кресле, курю не в затылок, чтоб потом не задохнуться. Жду. Душа трепещет, как курица на сносях. Уж сколько я в ванной провозилась, ты представляешь, а его все нет. Жду, а его все нет! Волноваться начала, затягиваюсь... И тут вдруг раздался грохот, будто танки. Ближе, ближе, я на ноги вскочила, а навстречу мне из распахнутых дверей – он! Голый, на роликовых коньках, а впереди набухшая *сарделька!* «Хватай, – велит, – и катай!» И понеслась я, как Ассоль под алыми парусами, по всем апартаментам. А куда деваться?

Ну, роликовые коньки еще ладно, а вот однажды...

Однажды поздним вечером, когда на противоположной стороне земли в Канзасе случились три подряд торнадо, а в мексиканской тюрьме заключенные устроили бунт (можно проверить по газетам), на бедную Зинулю накатило. При том, по мощности – точно торнадо, а по неукротимости – антигосударственный мятеж.

Кинулась к записным книжкам с прошлыми, настоящими и возможно будущими телефонами. Но поздний вечер оказался по настоящему зимним. За окном мело аж звенело, ветер сыпал пригоршнями, словно крушил хрусталь, а снежинки больно кололись, как стеклянные. Люди носа не казали, сидели по домам и радовались теплу. А Зиночку в кресле бил озноб, будто не было заклеенных окон, толстых штор и раскаленных батарей. Диск крутился в холостую. Кокетливые интонации, жеманные хихиканья, капризные возгласы, томные вздохи, зазывные сюсюканья, игривые взвизги, жаркий шепот и жадные причмокивания – пропадали зря! И только через полтора часа страстной борьбы за выживание раздался обнадеживающий щелчок. Некий Петя отозвался на призыв, но, по всей вероятности, глядя в окно, поставил суровые условия, ни в какой центр он не поедет, а будет ждать Зиночку на остановке.

Петя жил на Менделеева, человека далекого, как по времени, так и по расстоянию. За улицей Менделеева начиналась неизвестность. Зинка засобиралась. Но поскольку ей предстояла не быстрая пробежка в булочную и обратно, а долгожданное свидание: обстоятельная подготовка, плюс дорога, плюс непогода, про которую влюбленная дама абсолютно забыла, сыграли свое подлое дело – Пети на остановке не стояло. Опоздала девушка! Может, кто и зарыдал бы от горя, или кинулся догонять, уходящий в вечность, автобус, или пал бы духом и замерз прямо на остановке – но только не Зинаида.

Оценив унылую местность, и, разглядев сквозь вьюгу несколько светящихся в отдалении пятиэтажек, она вспомнила, что ее возлюбленный обитает в одном из домов возле остановки. Вдобавок, на сегодняшний день имя Петя не самое распространенное. Ура, сказала храбрая женщина и отправилась в поход.

Она стала ходить по этажам, звонить в каждую квартиру и спрашивать, не здесь ли живет Петя.

Подвиг ее длился недолго. Уже в третьем подъезде дверь открыл заспанный старичок и сказал:

– Да. Но он уже спит.

– Будите!

Петя вышел в одних трусах, босиком и вытаращил глаза.

– Чего смотришь, милый? Снимай сапоги! – и протянула обутую ногу. – Снимай! А вы, дедушка, идите, отдыхайте.

Не знаю, как там удалось дедушке отдохнуть, но Петя *трудился* до рассвета. А рассветы зимой поздние...

Зинка как-то вздохнула:

– Эх! Стоит мой белый конь у подъезда, жует травку, а подарить его некому.

## Четвертая ночь

Он был настоящим конем. Я бы сказала, белым конем. На таких обычно приезжают принцы.

Приезжают, соскакивают, похлопывают по холке:

– Ну, ты пока – туда-сюда... А я тем временем – то да сё...

Может, не так обыденно, может, гораздо торжественнее. Приезжают, сходят, музыка, рота почетного караула, хлеб-соль, «Будьте любезны, в залу», а коня незаметно под белы ручки в сторону, чтоб под ногами не путался. По крайней мере, ни на одной фотографии, ни в одном кадре кинохроники его не видать – сплошь официальные лица.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.